

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕКРИМИНАЛИЗАЦИЯ?

В представленной статье автор анализирует точки зрения учёных о нормах, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основании проведённого анализа автором определяются направления совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации; преступления в сфере экономической деятельности; криминализация; декриминализация.

Несмотря на постоянно вносимые законодателем изменения в Уголовный кодекс РФ, охраняющие общественные отношения в сфере экономической деятельности, нормы, составляющие его Главу 22, по-прежнему являются в большинстве своём практически неприменимыми. По мнению некоторых учёных, обозначенная ситуация обусловлена рядом проблем, наиболее важные из которых – бланкетность норм, составляющих указанную Главу, их пробельность, многословность формулировок диспозиций отдельных из них, а также использование в них законодателем нечётко определённых терминов и понятий [1. С. 40].

Согласно точке зрения Л.Д. Гаухмана трудности применения бланкетных уголовно-правовых норм обусловлены тем, что в них имеют место ссылки на нормы иных отраслей права (применительно к настоящему исследованию – гражданского, банковского, предпринимательского, финансового), при этом в последние законодателем также вносятся серьёзные поправки, что и порождает обозначенную проблему [Там же. С. 41]. Одновременно возникает и следующая проблема – пробельность норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ.

На наш взгляд, пример обозначенной пробельности – норма, устанавливающая уголовную ответственность за совершение незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ). В рассматриваемой норме уголовным законом заимствованный из Гражданского кодекса РФ термин «предпринимательская деятельность» оказался введённым в уголовно-правовое понятие. Таким образом, оказался нарушенным такой принцип криминализации деяний, как принцип согласованности норм уголовного закона с положениями охраняемых отраслей права [2. С. 174]. В результате применение указанной нормы на практике, по сути, оказывается невозможным. То же, по нашему мнению, следует отметить и о ситуации с практическим применением ст. 172 УК РФ, устанавливающей ответственность за совершение незаконной банковской деятельности. Проанализировав диспозиции указанных уголовно-правовых запретов, возможно сделать вывод, что целью совершения запрещаемых ими деяний является незаконное извлечение прибыли, представляющее собой общественную опасность. Таким образом, в рассматриваемой ситуации необходимо вместо словосочетаний «незаконное предпринимательство», «незаконная банковская деятельность»

использовать словосочетание «незаконное извлечение прибыли». Различие между указанными понятиями очевидно, поскольку извлечение прибыли возможно как законными, так и незаконными способами. Законный способ – извлечение прибыли, соответствующее всем условиям, предусмотренным в ст. 2 Гражданского кодекса РФ. Одновременно возможно извлечение прибыли и незаконным способом, например без регистрации лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность [2. С. 177].

Таким образом, для правильного решения обозначенной проблемы законодателю следует установить уголовную ответственность именно за «незаконное извлечение дохода в крупном (особо крупном) размере». В предлагаемой законодательной конструкции для правоприменителя важен именно результат – извлечение лицом дохода как в крупном, так и в особо крупном размере. Представляется, что обозначенная конструкция ввиду её немногословности окажется более понятной для правоприменителя.

Ранее отмечалось и о многословности формулировок диспозиций отдельных из норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. В частности, диспозиция ст. 185-5 УК РФ содержит 244 слова, включая предлоги. По мнению Л.Д. Гаухмана, уяснение содержания указанной диспозиции и применение данной нормы на практике для правоприменителя «весьма сложно» [1. С. 43]. Одновременно, по его мнению, данная проблема имеет место и в формулировках диспозиций ст. 172.1 УК РФ, ч. 1 ст. 185.3 УК РФ [Там же]. Таким образом, при применении на практике указанных норм также может возникнуть обозначенная ранее проблема.

На наш взгляд, обозначенная проблема возникнет при применении на практике и иных норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ. Нами ранее отмечалось, что указанные нормы, большинство из которых представляют собой новеллы, в значительной мере являются несовершенными. Данное несовершенство, по нашему мнению, состоит в том, что законодатель при формулировании рассматриваемых уголовно-правовых норм, несмотря на многословность формулировок их диспозиций, чётко не выделил отдельные элементы составов преступлений, ответственность за совершение которых установлена обозначенными нормами. В частности, оказалась «размытой» объективная сторона этих преступлений,

благодаря чему стало возможным прекращение уголовного преследования лиц, виновных в их совершении. Указанный недостаток является характерной чертой всех без исключения уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений рассматриваемой группы. Одновременно несовершенство обозначенных норм состоит, по нашему мнению, и в том, что в диспозициях большинства из них некоторые элементы оказались определёнными либо недостаточно точно, либо совсем неопределёнными. Например, отсутствие определения «тяжких последствий» в диспозиции ст. 183 УК РФ приводит к прекращению многих уголовных дел, возбуждённых по данной статье, поскольку указанные последствия определяются практическими работниками по собственному усмотрению, что и способствует их прекращению [2. С. 169]. По мнению учёных, обозначенное усмотрение может перерасти и в произвол [3. С. 93].

Таким образом, для эффективного применения указанной нормы на практике, а также во избежание произвольного толкования содержания её диспозиции правоприменителем, в диспозиции ст. 183 УК РФ законодателю необходимо дать толкование «тяжкие последствия». На наш взгляд, обозначенное толкование следует выделить как отдельное Примечание к рассматриваемой статье.

Одновременно как недостаток уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение преступлений в сфере экономической деятельности, следует рассматривать и то, что при практическом применении отдельных из них правоприменителю зачастую сложно определить, кого следует считать субъектом этих преступлений. Особенно это имеет отношение к ст. 186 УК РФ, устанавливающей ответственность за фальшивомонетничество. Несмотря на внесение в её редакцию в 2009 г. поправок, у правоприменителя по-прежнему возникают затруднения при установлении лиц, виновных в изготовлении либо сбыте поддельных денег или ценных бумаг. Это же отмечалось и практическими работниками в ходе проведённого анкетирования. П.С. Яни справедливо отмечено, что если лицо, не изготавливавшее поддельные деньги, продаёт их другому лицу, то содеянное следует квалифицировать как оконченное фальшивомонетничество, поскольку рассматриваемое деяние включает в себя и хранение в целях сбыта, а в указанной форме фальшивомонетничество лицом окончено [4. С. 24]. Таким образом, П.С. Яни предлагается вполне обоснованное решение обозначенной проблемы. Необходимо отметить, что аналогичные предложения были высказаны и практическими работниками в ходе их анкетирования. Представляется, что обозначенные предложения будут приняты во внимание законодателем при дальнейшем реформировании ст. 186 УК РФ.

Рассмотренные ситуации представляют собой результат не только многословности формулировок диспозиций уголовно-правовых норм, охраняющих общественные отношения в сфере экономической деятельности, но и использования законодателем в них нечётко определённых терминов и понятий [1. С. 40]. Пример – нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение преступлений в сфере

кредитования (ст. 176–177 УК РФ). В диспозиции ст. 176, устанавливающей ответственность за незаконное получение кредита, законодателем оказалось нечётко раскрыто понятие «кредит» [5. С. 56]. Обозначенное понятие в нормах иных отраслей права (гражданского, бюджетного, налогового) имеет достаточно широкое толкование. Только Гражданским кодексом РФ предусмотрено несколько видов кредитов – кредитный договор (ст. 819 ГК РФ), договор товарного кредита (ст. 822 ГК РФ) и коммерческий кредит (ст. 823 ГК РФ). Одновременно указанное понятие предусмотрено и ст. 93-2 Бюджетного кодекса РФ – бюджетный кредит, ст. 66–67 Налогового кодекса РФ – инвестиционный налоговый кредит, Федеральным законом РФ от 21 декабря 2013 г. № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» – потребительский кредит (заём).

Согласно точке зрения А.Н. Ляскало рассматриваемое понятие означает только банковский, товарный, коммерческий, бюджетный и инвестиционный налоговый кредит [5. С. 56]. В данной ситуации потребительский кредит оказывается вне зоны действия ст. 176 УК РФ. Таким образом, имеет место серьёзный законодательный пробел. Как законодательный пробел следует рассматривать и отсутствие в диспозиции рассматриваемой нормы определения такого её элемента, как «льготные условия кредитования» [2. С. 157]. Одновременно законодатель не раскрыл и такие элементы указанной диспозиции, как «хозяйственное положение» и «финансовое состояние» заёмщика. По мнению учёных, данные понятия вызывают у правоприменителя наибольшие затруднения, поскольку они не раскрываются в действующем законодательстве [5. С. 59]. Таким образом, возможно произвольное толкование рассматриваемых понятий как сотрудниками банков, так и сотрудниками правоохранительных органов. Об опасности указанного толкования нами уже отмечалось в ходе настоящего исследования.

На наш взгляд, можно выделить следующие направления решения обозначенной проблемы. Одно из указанных направлений должно представлять собой реформирование законодателем диспозиции ст. 176 УК РФ. В процессе данного реформирования законодатель будет обязан в диспозиции рассматриваемой нормы подробно раскрыть все указанные ранее её элементы, вызывающие затруднения у правоприменителя. Представляется, что в обозначенной ситуации следует ввести Примечание к ст. 176 УК РФ, в котором будет раскрыто содержание «кредита», «хозяйственного положения заёмщика», «финансового состояния заёмщика», а также «льготных условий кредитования». В результате возможно «оживление» рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

В качестве следующего направления, по нашему мнению, возможно рассматривать и декриминализацию незаконного получения кредита. Проанализировав ст. 176 УК РФ, возможен вывод о наличии некоторого сходства диспозиции ч. 1 её с диспозицией ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, которой установлена ответственность за совершение мошенничества в сфере кредито-

вания. На наш взгляд, ч. 1 ст. 159.1 УК РФ, в отличие от ч. 1 ст. 176 УК РФ, имеет более «широкую» зону действия, в результате чего неизбежна и конкуренция между ними. Представляется, что для правильного решения обозначенной проблемы необходимо проведение мониторинга применения на практике ст. 176 УК РФ.

Достаточно «сложной» является и ст. 177 УК РФ, устанавливающая ответственность за злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности. Указанная сложность, по мнению учёных, заключается в установлении признака злостности обозначенного уклонения [6. С. 44]. В теории уголовного права данный признак характеризует субъективную сторону рассматриваемого преступления. Таким образом, указанный элемент оказался «размытым», что свидетельствует о наличии серьёзного законодательного пробела и не способствует эффективной охране уголовным законом как прав, так и законных интересов кредиторов от недобросовестных заёмщиков. Вследствие этого рассмотрение судом дел, возбуждённых по ст. 177 УК РФ, часто оканчивается вынесением оправдательного приговора [6. С. 45].

Таким образом, возникает необходимость реформирования действующего уголовного законодательства в части охраны прав и законных интересов кредиторов. Для принятия правильного законодательного решения, как и в предыдущей ситуации, необходимо проведение мониторинга ст. 177 УК РФ.

Кроме рассмотренных, в Главе 22 УК РФ имеют место и иные законодательные пробелы. В юридической литературе отмечено, что «существует настоятельная необходимость признания корпоративных отношений в качестве одного из объектов уголовно-правовой охраны» [7. С. 39]. Как показывает практика, существующих уголовно-правовых запретов (ст. 170.1, 285.3 УК РФ) явно недостаточно для эффективной уголовно-правовой охраны обозначенных отношений. Совершаемые руководством коммерческих структур преступления в сфере корпоративных отношений часто приводят к их банкротству, а следовательно, и к массовым сокращениям сотрудников, задержкам в выплате заработной платы, а также к уклонениям от уплаты налогов [Там же. С. 38]. Таким образом, тяжкие последствия совершения указанных преступлений «налицо». Введение «отдельных» уголовно-правовых запретов, по мнению Т.В. Семёнова, необходимо для более эффективной борьбы с обозначенными преступлениями [Там же. С. 39].

Одновременно можно выделить и иные законодательные пробелы, существующие в рассматриваемой Главе УК РФ. Пример – введённая в 2011 г. в Уголовный кодекс РФ ст. 173-1, устанавливающая ответственность за незаконное образование (создание, реорганизацию) юридического лица. Несмотря на её новизну, рассматриваемую норму невозможно охарактеризовать как совершенную с точки зрения чёткости и ясности языка уголовного закона [8. С. 24]. В частности, ею не установлена уголовная ответственность за такое достаточно распространённое в практике создания фирм через подставных лиц действие, как внесение изменений в учредительные документы

либо ЕГРЮЛ. Одновременно, как отмечает Ф. Багаутдинов, рассматриваемой новеллой уголовная ответственность предусмотрена за незаконное образование только юридического лица, что представляет собой серьёзный законодательный пробел, поскольку индивидуальный предприниматель, не являющийся юридическим лицом, также занимается указанной противозаконной деятельностью [Там же]. С целью устранения обозначенного пробела данным автором обоснованно предлагается в диспозиции ст. 173-1 УК РФ предусмотреть уголовную ответственность и за незаконное создание индивидуальных предпринимателей. Также им вполне обоснованно предлагается как дополнение диспозиции указанной уголовно-правовой нормы элементами «а равно представление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, недостоверных данных, сведений, документов», «те же деяния, которые привели к неуплате налогов», так и исключение из обозначенной диспозиции элемента «путём введения в заблуждение» [Там же. С. 25]. Представляется, что в результате внесения законодателем указанных предложений в диспозицию ст. 173-1 УК РФ у правоприменителя не возникнут затруднения, связанные с толкованием некоторых элементов обозначенной диспозиции.

Наряду с наличием рассмотренных ранее законодательных пробелов Глава 22 УК РФ оказалась, на наш взгляд, «перегруженной» и нормами, являющимися специальными по отношению к нормам, устанавливающим уголовную ответственность за деяния, не посягающими на отношения в сфере экономической деятельности. По нашему мнению, в качестве примера следует привести уголовно-правовую норму, устанавливающую ответственность за незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ст. 180 УК РФ). В результате анализа рассматриваемой нормы возможно сделать вывод, что она представляет собой специальную норму по отношению к ст. 146 УК РФ, которая устанавливает ответственность за нарушение авторских и смежных прав, поскольку товарный знак является интеллектуальной собственностью, аналогичной произведению литературы или искусства. По нашему мнению, не исключается декриминализация деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 180 УК РФ, с одновременным внесением соответствующих изменений в диспозицию ст. 146 УК РФ.

Кроме этого, не исключается декриминализация и иных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими рассматриваемую Главу. В частности, в юридической литературе отмечается возможность декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ст. 191 УК РФ) [9. С. 129]. Обозначенное предложение, с одной стороны, является обоснованным, поскольку указанное деяние представляет собой преступление против порядка управления [2. С. 56]. С другой – в результате предлагаемой декриминализации возможно появление серьёзного законодательного пробела. Для правильного решения обозначенной проблемы, как и в рассмот-

ренном ранее примере, следует «перевести» обозначенный уголовно-правовой запрет в Главу 32 Уголовного кодекса РФ – «Преступления против порядка управления», что позволит «освободить» Главу 22 указанного Кодекса от норм, устанавливающих ответственность за деяния, не посягающие на отношения в сфере экономической деятельности. Одновременно, по нашему мнению, не исключена декриминализация и иных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими обозначенную Главу. Для правильного решения данной проблемы необходимо проведение мониторинга уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности.

Следует отметить, что в июне – июле 2015 г. нормы Главы 22 УК РФ снова подверглись значительным изменениям.

Согласно Федеральному закону РФ от 8 июня 2015 г. № 153-ФЗ изменениям подверглась ст. 187 УК. В новой её редакции обозначенная норма законодателем озаглавлена «Неправомерный оборот средств платежей». В указанной редакции ею устанавливается уголовная ответственность за «изготовление, приобретение, хранение, транспортировку в целях использования или сбыта, а равно сбыт поддельных платёжных карт, распоряжений о переводе денежных средств, документов или средств оплаты, а также электронных средств, электронных носителей информации, технических устройств, компьютерных программ, предназначенных для неправомерного осуществления приёма, выдачи, перевода денежных средств». В ранее действовавшей редакции ст. 187 УК РФ была озаглавлена «Изготовление или сбыт поддельных кредитных либо расчётных карт и иных платёжных документов» и предусматривала ответственность только за изготовление либо сбыт указанных платёжных документов. Таким образом, в новой редакции рассматриваемой нормы законодателем подробно раскрывается понятие «иные платёжные документы». В результате имеет место «расширение» действия ст. 187 УК РФ. Представляется, что в результате указанного «расширения» окажется устранённым значительный пробел в уголовном законодательстве, поскольку в предыдущей редакции данной нормы понятие «иные платёжные документы» толковалось правоприменителями произвольно, по собственному усмотрению, что противоречило принципу законности, о котором отмечено в ст. 3 Уголовного кодекса РФ.

Согласно Федеральному закону РФ от 29 июня 2015 г. № 193-ФЗ изменениям подверглись санкции, установленные законодателем за совершение преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 183 УК РФ. В результате внесения указанных изменений оказались, по сравнению с установленными ранее, существенно увеличены размеры штрафов, о которых отмечается в ч. 1–3 рассматриваемой нормы. Таким образом, имеет место частичное «ужесточение» уголовного наказания, предусмотренного за совершение данного преступления. На наш взгляд, обозначенное «ужесточение» вполне обоснованно, поскольку, согласно мнения опрошенных нами судей

Томска, Кемерово и Новосибирска, увеличение размеров денежных штрафов за совершение преступлений рассматриваемой группы является более эффективной мерой по сравнению с увеличением сроков лишения свободы, предусмотренных за их совершение.

Согласно Федеральному закону РФ от 13 июля 2015 г. № 228-ФЗ Глава 22 Уголовного кодекса РФ вновь подверглась внесению в неё серьёзных изменений и дополнений. В частности, законодатель внёс значительные изменения в ст. 170 УК РФ. В результате их внесения имеет место «расширение» действия обозначенной нормы, поскольку в предыдущей её редакции уголовная ответственность предусматривалась лишь за «регистрацию незаконных сделок с землёй», в то время как новая редакция ст. 170 УК РФ предусматривает ответственность за «регистрацию незаконных сделок с недвижимым имуществом». Согласно ст. 130 Гражданского кодекса РФ под «недвижимым имуществом» понимаются не только земля, земельные участки, но и здания, сооружения. Таким образом, внесение указанных изменений направлено на совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с различными противоправными сделками в целом с недвижимостью, а не только с одним из её видов.

Одновременно на основании указанного Федерального закона были внесены изменения и в санкции, установленные за совершение рассматриваемого преступления. Аналогично предыдущей в данной ситуации также существенно увеличены размеры денежных штрафов, что, по нашему мнению, является обоснованным и применительно к ст. 170 Уголовного кодекса РФ.

Кроме этого, согласно обозначенному Федеральному закону Глава 22 УК РФ была дополнена ст. 170-2, устанавливающей ответственность за «внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории». Указанная новелла, как следует из её названия, направлена на борьбу с искажением данных учёта земельных участков. Представляется, что с введением её в Уголовный кодекс РФ окажется устранённым серьёзный законодательный пробел, препятствовавший эффективному противодействию злоупотреблениям, имеющим место при учёте земельных участков.

Несмотря на внесение рассмотренных выше поправок в отечественное уголовное законодательство, охраняющее общественные отношения в сфере экономической деятельности, проблема его совершенствования оказалась фактически нерешённой. В частности, по-прежнему являются несовершенновыми нормы, устанавливающие уголовную ответственность за создание фирм-«однодневок». О негативных последствиях данного несовершенства отмечено ранее. Однако обозначенная проблема законодателем в процессе внесения им рассмотренных в ходе настоящего исследования поправок не была принята во внимание. На наш взгляд, указанные поправки следует оценивать как «стихийные» и необоснованные с точки зрения практических работников. Пример – декриминализация в 2011 г. контрабанды с последующей кри-

минализацией её уже в 2014 г. То же, по нашему мнению, следует отметить и о поправках, внесённых законодателем в марте 2015 г. в ст. 178 УК РФ, устанавливающую ответственность за ограничение конкуренции, результатом которых стал серьёзный пробел в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности. Обозначенную ситуацию следует рассматривать как парадоксальную, также необоснованную ни учёными, ни практическими работниками.

Таким образом, возникает необходимость дальнейшего совершенствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. Для наиболее правильного решения указанной проблемы в юридической литературе предлагается принять Концепцию уголовно-правовой политики Российской Федерации, «опережающая модель которой обеспечит комплекс необходимых мер противодействия преступности» [9. С. 130]. Обозначенное предложение актуально и в сфере борьбы с преступлениями рассматриваемой группы. Следует отметить, что совершенствование уголовного законодательства, направленного на борьбу с данными преступлениями, часто характеризуется как «запоздалое».

В качестве примера, на наш взгляд, следует привести деятельность законодателя по совершенствованию «антиотмывочных» норм УК РФ – ст. 174–174.1. О необходимости их совершенствования нами отмечалось ранее [2. С. 170]. Несмотря на это, законодателем они достаточно длительное время не принимались во внимание. И только недавно было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём», в котором в значительном объёме отражены указанные ранее предложения. Рассмотренный пример не является единичным. С целью избежания наступления обозначенных негативных последствий необходимо постоянное проведение мониторинга как действующего уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, так и криминогенной ситуации в данной сфере. В юридической литературе справедливо отмечено, что диспозиции некоторых норм, составляющих Главу 22 Уголовного кодекса РФ, по своему концептуальному содержанию с момента вступления указанного Кодекса в законную силу так и остались неизменными, в то время как нормативно-правовые акты, относящиеся к регулятивным отраслям права, не один раз подвергались изменениям [1. С. 41]. Пример – ст. 191 УК РФ, устанавливающая ответственность за незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга. Диспозиция обозначенной нормы сформулирована законодателем ещё в 1996 (!) г., когда в России драгоценные металлы в любом их виде и состоянии, за исключением ювелирных и других бытовых изделий, а также лома таких изделий, и при-

родные драгоценные камни, за исключением ювелирных и иных бытовых изделий из этих камней и лома таких изделий, относились к валютным ценностям, и валютные операции – сделки с ними – законодателем были запрещены [9. С. 131]. На основании этого в Уголовный кодекс РФ были введены как указанная норма, так и ст. 192 «Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней», которыми и предусматривалась ответственность за совершение обозначенных сделок [Там же].

В настоящее время, согласно Федеральному закону РФ от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», драгоценные металлы, природные драгоценные камни или жемчуг не являются валютными ценностями. В обозначенной ситуации, по нашему мнению, не исключена и декриминализация деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 192 УК РФ. О необходимости данной декриминализации отмечалось и судьями Томска, Кемерова и Новосибирска в процессе их анкетирования. Одновременно не исключается и декриминализация иных деяний, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами, составляющими Главу 22 УК РФ. Для правильного определения круга указанных деяний необходимо постоянное проведение мониторинга криминогенной ситуации в рассматриваемой сфере. Кроме того, посредством проведения обозначенного мониторинга возможно и правильное определение круга деяний, за совершение которых необходимо установить уголовную ответственность. В ходе настоящего исследования нами рассматривались предложения учёных по установлению уголовной ответственности за совершение некоторых деяний [7. С. 39]. Представляется, что в целях ликвидации пробелов в уголовном законодательстве, охраняющем общественные отношения в сфере экономической деятельности, возможна криминализация и иных деяний. Следует отметить, что решение проблемы совершенствования уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в рассматриваемой сфере, посредством исключительно криминализации всё новых и новых деяний способно привести к серьёзной «перегрузке» его, что имеет место в настоящее время.

Обозначенный способ в юридической литературе справедливо был подвергнут критике Л.Д. Гаухманом [1. С. 43]. По его мнению, избыточная криминализация деяний, в том числе и в исследуемой сфере, лишь порождает затруднения у правоприменителя [Там же]. Аналогичное мнение высказывалось ранее и нами [2. С. 180]. Одновременно «расширение» уголовно-правового вмешательства в сферу экономической деятельности способно привести и к таким негативным последствиям, как «уход» значительной части субъектов, осуществляющих данную деятельность, в сферу «теневой экономики». В результате значительно сократятся поступления налоговых платежей в бюджет. Также в рассматриваемой ситуации возникает опасность и «подавления» конкурентов посредством уголовно-правового воздействия. Таким образом, в настоящее время основным направлением совершен-

ствования отечественного уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности, должна рассматриваться декриминализация деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаухман Л., Журавлёв М. Законотворческие проблемы Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право. 2015. № 1. С. 40–43.
2. Лозинский И.В. Проблемы реализации принципов криминализации и положений законодательной техники применительно к нормам Главы 22 УК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2010. 231 с.
3. Рарог А.И., Грачёва Ю.В. Законодательная техника как средство ограничения судебного усмотрения // Государство и право. 2002. № 11. С. 93–100.
4. Яни П. Вопросы квалификации фальшивомонетничества // Законность. 2015. № 2. С. 20–24.
5. Ляскало А.Н. Толкование бланкетных признаков ст. 176 УК РФ // Уголовное право. 2014. № 6. С. 56–64.
6. Ляскало А.Н. К вопросу о «злостности» уклонения от погашения кредиторской задолженности // Законодательство. 2015. № 1. С. 44–52.
7. Семёнов Т.В. Охрана корпоративных отношений средствами уголовного закона // Право и экономика. 2014. № 11. С. 35–40.
8. Багаутдинов Ф., Мирзанурова Н. Создание фирм через подставных лиц // Законность. 2015. № 6. С. 24–26.
9. Батуринов К.Е. О декриминализации незаконного оборота драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга // Закон и право. 2015. № 6. С. 129–131.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 ноября 2015 г.

THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION OF THE RF FOR THE PROTECTION OF SOCIAL RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY: CRIMINALIZATION OR DECRIMINALIZATION?

Tomsk State University Journal, 2015, 401, 222–227. DOI: 10.17223/15617793/401/32

Lozinsky Igor V. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lozin@mail.tsu.ru

Keywords: Criminal Code of the RF; crimes in sphere of economic activity; criminalization; decriminalization.

Although there have been constant changes and amendments into Chapter 22 of the Criminal Code of the RF, the legal rules protecting the social relations in the sphere of economic activity are not practically applied for the most part. This situation, in the scientists' view, can be explained by the following problems: blanket rules that have legal deficiency, verbalized dispositions, an imprecise definition of legal terms and concepts used by the legislator. The examples of this kind are Articles 171, 172, 172.1, 185.3, 185.5 of the CC of the RF. It is not a single fact. The legislator has not emphasized separate formal elements of crime within the rules formulation included into Chapter 22 of the CC of the RF. In particular, *actus reus* turned out to be vague and it resulted in abatement of a suit with the parties guilty of these crimes. This deficiency is a characteristic feature of the major criminal rules that establish the responsibility for an offence in the sphere of economic activity. Some elements in the dispositions of the rules were neither distinctly defined nor definite at all. One of the examples is the absence of a statutory definition for 'aggravated consequences' in the disposition of Article 183 of the Criminal Code of the RF. Furthermore, the lack of criminal rules can be seen in their practical application when difficulties arise in determining a subject of crimes prohibited by these rules. Article 186 of the Criminal Code of the RF which establishes the responsibility for counterfeiting serves as an example. Chapter 22 of the CC of the RF has heavy legislative deficiency as well. Particularly, there are no rules protecting corporate relations. The importance of these legal rules acceptance has been observed by theorists. Besides, it should be noted that Article 173.1 of the CC of the RF with legislative lacks that establishes the responsibility for illegal formation, reorganization of a legal entity must be under consideration. The proposal about its improvement has been put forward by theorists. Despite aforementioned problems, in the result of amendments into the Criminal Code of the RF in June–July 2015, other legal rules of Chapter 22 were subject to changes. For instance, under the Federal Law of 8 June 2015 No 153-FZ Article 187 of the CC of the RF was exposed to amendments. Moreover, due to the Federal Law of 29 June 2015 No. 193-FZ, changes were made only into the sanctions of Article 183 of the CC of the RF. In accordance with the Federal Law of 13 July 2015 No. 228-FZ, Article 170 of the CC of the RF was also changed. On the basis of this law, Chapter 22 of the CC of the RF was supplemented with Article 170-2 that implies responsibility for 'deliberately false information in the measuring plan, the technical plan, the inspection report, the surveying project of land or the map of a territory'. In this case, the legislator, within the chapter improvement, paid close attention to criminalization of acts, which in theorists' view is considered erroneous. At present, the principal way for the legislative change to be taken into account is decriminalization of acts.

REFERENCES

1. Gaukhman, L. & Zhuravlev, M. (2015) Law-Making Problems in the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 40–43. (In Russian).
2. Lozinskiy, I.V. (2010) *Problemy realizatsii printsipov kriminalizatsii i polozheniy zakonodatel'noy tekhniki primenitel'no k normam Glavy 22 UK RF* [Problems of implementation of the principles of criminalization and provisions of legislative technique in relation to the rules of Chapter 22 of the RF Criminal Code]. Law Cand. Diss. Tomsk.
3. Rarog, A.I. & Gracheva, Yu.V. (2002) *Zakonodatel'naya tekhnika kak sredstvo ogranicheniya sudeyskogo usmotreniya* [Legislative technique as a means of limiting judicial discretion]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 11. pp. 93–100.
4. Yani, P. (2015) The Issues of Classification of Counterfeiting. *Zakonnost'*. 2. pp. 20–24. (In Russian).
5. Lyaskalo, A.N. (2014) Interpretation of Blanket Elements of Article 176 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnoe pravo*. 6. pp. 56–64. (In Russian).
6. Lyaskalo, A.N. (2015) K voprosu o "zlostnosti" uklo-neniya ot pogasheniya kreditorskoy zadolzhennosti [On the question of "malice" of evasion of payment of accounts payable]. *Zakonodatel'stvo*. 1. pp. 44–52.
7. Semenov, T.V. (2014) *Okhrana korporativnykh otnosheniy sredstvami ugovol'nogo zakona* [Protection of corporate relations by means of criminal law]. *Pravo i ekonomika*. 11. pp. 35–40.
8. Bagautdinov, F. & Mirzanurova, N. (2015) Setting Up Firms through Front Parties. *Zakonnost'*. 6. pp. 24–26. (In Russian).
9. Baturin, K.E. (2015) O dekriminalizatsii nezakonnogo oborota dragotsennykh metallov, prirodnikh dragotsennykh kamney ili zhemchuga [On the decriminalization of illicit trafficking of precious metals, natural precious stones or pearls]. *Zakon i pravo*. 6. pp. 129–131.

Received: 04 November 2015